

Лиана Файер

Любовь без преград

18+

Лиана Файер

Любовь без преград

«Автор»

2026

Файер Л.

Любовь без преград / Л. Файер — «Автор», 2026

Случайные встречи в костеле запускают опасный механизм. Между героями вспыхивает запретное, греховное притяжение. Девушка и ксендз отчаянно и долго борются со своими демонами: она до крови стирает колени на каменном полу, он до дрожи сжимает распятие, пытаясь заглушить голос плоти. Но чем суровее запреты, тем сокрушительнее становится лавина.

© Файер Л., 2026

© Автор, 2026

Лиана Файер

Любовь без преград

Глава 1

Когда мы венчались, я была абсолютно уверена: это навечно. Я любила Андрея той чистой, звенящей любовью, которая кажется бессмертной. Поднимая глаза на распятие в день нашей свадьбы, я без страха обещала быть с ним и в радости, и в горе, предвкушая долгую, тёплую жизнь вдвоём. Но сказка рассыпалась слишком быстро. Андрей остыл так внезапно, словно в нём просто выключили свет. Моя нежность, моя готовность отдавать себя наталкивались на глухую, вежливую стену его равнодушия. Постель стала холодной, а дом — молчаливым. Век живой, любящей женщины внутри меня был недолгим: я осталась одна со своим нерастраченным теплом. Тогда я, как примерная католичка, воспитанная в строгости и смирении, решила: в Божьем замысле не бывает пустоты. Если мне отказано в земном счастье, значит, эта невыносимая тишина — моя личная Голгофа. Мой крест. Я решила переплавить свою боль в щит для той, ради кого была готова на всё. «Господи, — молилась я на коленях, кусая губы, чтобы не разрыдаться от обиды на мужа. — Я принимаю этот холод. Я навсегда отказываюсь от плотской любви, от надежды быть желанной. Пусть эта моя земная смерть, эта жертва пойдёт в уплату за здоровье мамы. Вымоли её, запри мою плоть, раз она не нужна моему мужу». Я заковала себя в этот обет, как в броню. Полгода я жила как тень, гордясь своей мнимой стойкостью. Пока в костёле не появился новый, молодой ксендз. Он шёл через пресвитерии, поправляя белую комжу. Я подняла глаза — просто так, от усталости. И в этот момент он повернул голову. Наш взгляд длился всего секунду. Но в его глазах я вдруг увидела то, от чего так отчаянно бежала: живую, сокрушительную человеческую душу. Моя броня, выкованная из боли и смирения, дала глубокую трещину. «Господи, — шептала я, «помоги мне» ...

После мессы костёл стремительно пустел, унося с собой эхо шагов и шорох верхней одежды. Я вела дочку за руку к выходу, поплотнее завязывая её шарф от уличного сквозняка. Внутри у меня было привычно пусто и тихо: обет работал как анестезия, отсекая лишние мысли. Мы уже почти переступили порог, когда сзади раздался негромкий, мягкий голос. — Слава Иисусу Христу. Я вздрогнула и обернулась. Перед нами стоял он — тот самый молодой ксендз. Без литургического облачения, в одной чёрной сутане. Сердце испуганно пропустило удар, но я заставила себя ответить на приветствие. Я совершенно не помню, с чего именно начался наш разговор — память стёрла те первые, ничего не значащие вежливые фразы, словно они были лишь шумом ветра. Но в сознание намертво врезалось главное: он смотрел на нас с дочкой. Смотрел тепло, без той профессиональной церковной отстранённости, к которой я привыкла. — Я заметил, что вы всегда вместе, — тихо произнёс он, переводя взгляд с меня на девочку и чуть улыбаясь. — Да, — голос подвёл меня, прозвучав чуть тише, чем хотелось бы. Я поправила капюшон дочке, просто чтобы занять чем-то дрожащие руки. — Мы ходим каждый день. Ксендз кивнул, и в его глазах промелькнуло что-то, очень похожее на глубокое уважение. — Да, — подтвердил он, глядя мне прямо в лицо. — Я каждый день вас вижу. Эти простые слова — «я каждый день вас вижу» — ударили меня сильнее, чем если бы он обличил все мои тайные мысли. В мире, где мой собственный муж месяцами проходил мимо, не замечая моего присутствия, моей боли и моего одиночества, этот чужой человек, облечённый духовной властью, зафиксировал моё существование. Он не просто смотрел со своего возвышения у алтаря — он всматривался. Внимательно. Ежедневно. В его коротком признании не было соблазна, но было нечто гораздо более опасное для моей брони — живое, искреннее внимание мужчины, который заметил женщину сквозь её материнство и её смирение. Я шла домой по замерзающей

улице, крепко сжимая ладошку дочери, а в ушах колоколом звенело: он меня видит. Значит я живу, существую.

Глава 2

Вскоре костёл моего детства, хранивший тепло первых молитв и тайну того короткого разговора, закрыли. Жизнь грубо вытолкнула меня из привычных стен. Мне было страшно: внутри меня уже разгорался пожар, который я не смела признать даже на исповеди. Одержимая желанием спасти свою душу, спасти маму и сохранить верность обету, я бросилась в религию как в спасательный круг. Направила всю свою нерастраченную земную энергию на чтение толстых духовных трактатов, долгие молитвы. Я пыталась выжечь в себе женщину, оставив только христианку. Дочке пришлось время проходить катехизацию — готовиться к первому Причастию. Словно ведомая невидимой рукой, она сама выбрала себе катехетку. Эта строгая и мудрая женщина обосновалась в величественном костёле в самом центре города. Там же, в этих огромных каменных сводах, проходили и мои лекции. Круг замкнулся. Я ходила по гулким коридорам центрального храма, держа дочь за руку, и чувствовала странное, облегчённое умиротворение. Новые лица, бесконечные разговоры о Боге, конспекты, суета... Мне казалось, что я победила. Что тот случайный, пронзительный взгляд молодого ксендза у старого костёла остался в прошлой жизни. Зарождающийся, опасный уголёк внутри меня казался надёжно затоптанным, залитым святой водой и засыпанным пеплом абсолютного послушания. Я снова обрела почву под ногами. Я была примерной матерью, образцовой католичкой, усердной прихожанкой. Я верила, что спасена от самой себя. Я ещё не знала, что угли, скрытые глубоко под золой, умеют тлеть годами, не выпуская дыма — до первого случайного порыва ветра.

Глава 3

Память — милосердный, но хитрый свидетель: она стёрла для меня точную хронологию тех недель, словно защищая от собственной правды. Я не помню, знала ли я тогда, чьё имя стоит в расписании. Мой разум был чист, а намерения — безупречны. По иронии судьбы, в этом огромном костёле в центре города проходили мессы на английском языке. Для меня, филолога, это казалось идеальным совпадением. Я отчаянно искала свою нишу, своё особое место в этой новой церковной жизни. Мне нужно было чем-то подпитывать свой угасающий духовный огонь, и мессы на иностранном языке выглядели как прекрасный вызов и для ума, и для души. Моя профессия давала мне абсолютное, легальное право быть там. Я шла туда, ведомая невидимым, но мощным провидением. Я шла за языком, за профессией, за Богом. Но когда я вошла в неф и подняла глаза к алтарю, воздух в груди мгновенно застыл.

Тот самый молодой ксендз из костёла моего детства направлялся прямо ко мне.

Он подошел, и на его лице — обычно строгом и сосредоточенном — промелькнуло самое искреннее, человеческое удивление. Он явно не ожидал увидеть меня здесь, в этой специфической, узкой нише. На секунду он замер, словно сопоставляя образ набожной матери из старого прихода с женщиной, которая пришла слушать литургию на английском. Но он не прошел мимо. Он снова заговорил первым. Я помню, как этот его шаг навстречу окончательно сжег все мои мосты. Мужчина, облеченный саном, который по всем правилам должен был держать дистанцию, сам сократил её. Его голос, только что звучавший у алтаря на чужом языке, теперь обратился ко мне — тихо, тепло и очень лично. Мы стояли посреди пустеющего нефа, и это его удивление, смешанное с радостью узнавания, сказало мне больше, чем любые богословские трактаты. Он подошёл мягкой, бесшумной походкой. Взгляд его светлых глаз был пытливым, в нём сквозило то самое живое удивление, которое я так боялась и так жаждала увидеть. — Какими судьбами? — спросил он по-русски, чуть улыбнувшись, но удерживая ту деликатную

грань, за которую священнику ступать не положено. Сердце сделало кульбит, но я заставила себя ответить ровно, ухватившись за свою профессию, как за спасительный поручень:— Профессиональный интерес. Я переводчик. Я надеялась, что этот ответ прозвучит достаточно сухо и деловито, чтобы вернуть нас в рамки отношений «ксендз — случайная прихожанка». Но он среагировал мгновенно. Его глаза загорелись неподдельным интересом, словно он нашёл то, что давно искал. Он чуть подался вперёд и тихо, но уверенно произнёс:— О, так это же прекрасно! Может... вы Слово почитаете? На следующей мессе? У нас как раз не хватает чтецов с хорошим произношением. Воздуха в груди вдруг стало мало. Читать Слово Божье с амвона, у алтаря, на английском языке... стоять там, где стоит он, и звучать с ним в один такт. Это было безумием.

Каждая ступень, ведущая к амвону, казалась мне крутым подъемом на Голгофу. Я шла, чувствуя, как предательски и крупно дрожат ноги под подошмой юбки. Профессиональный переводчик, привыкший к чужим аудиториям, в этих стенах я вдруг превратилась в беззащитную девочку. Всё пространство костёла сузилось до размеров этой небольшой каменной кафедры, за которой мне предстояло звучать. Я положила руки на тяжелые страницы Лекционария, но пальцы не слушались, а строчки на английском языке расплывались перед глазами. Внутри всё кричало о том, что мне здесь не место, что моя тайная страсть и мой нерушимый обет бьются друг об друга прямо сейчас, на глазах у Неба. Когда я произнесла первые слова, собственный голос показался мне чужим. Он срывался, дрожал, вязнул в прохладном воздухе храма. Я физически ощущала, как под сводами повисла звенящая тишина. И где-то там, у алтаря, стоял он — тот, ради чьего доверия я сейчас совершала это насилие над собой. Я заставила себя сделать глубокий вдох. Моя воля, годами закалявшаяся в холодном, безответном браке и в молитвах за маму, включилась как спасительный механизм. Я собрала всю оставшуюся внутреннюю силу в кулак. Голос выровнялся, обрел былую уверенность и глубину. Слово Божье было прочитано — чисто, правильно, до последней точки. Я спустилась обратно на свою скамью, опустошенная, с горящими щеками и бешено колотящимся сердцем. Но это была победа. Я смогла. Я выстояла на его территории, принесла ему свой самый трудный и самый честный дар — преодоление собственного страха.

Я шла к выходу из костёла, почти не чувствуя под собой ног. Прохладный воздух улицы ударил в лицо, но он не мог остудить тот пожар, который полыхал у меня в груди. В ушах всё ещё стоял собственный дрожащий голос, читавший святые строки, а ладони до сих пор помнили холод деревянного амвона. Люди вокруг улыбались, кто-то негромко переговаривался на английском, обсуждая прошедшую службу. А внутри меня была оглушительная, пугающая пустота. «Зачем? — спрашивала я себя, почти задыхаясь от накатившего осознания. — Зачем ты делаешь это? Зачем ты закапываешь себя ещё глубже?». Я убедила себя, что моё служение здесь, на этих камерных мессах — это чистый духовный огонь, жертва ради памяти мамы и искупления холодного брака. Но сегодня, стоя там, наверху, у самого распятия, я больше не могла лгать. Броня рассыпалась в прах. На этих мессах я больше не видела Бога. Вся сакральность этого огромного, величественного храма сузилась до одного единственного силуэта. Молитвы превратились в фон, литургия — в предлог, а Слово Божье — лишь в легальный способ коснуться его слуха, привлечь его взгляд, побыть с ним в одном сакральном поле. Мой алтарь опустел. Место Всевышнего в моей душе занял молодой ксендз, который просто однажды заметил меня на ступенях старого костёла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.